

статья» (все — 1927), **«Сынок»** (1928). В 1929–32 по совету М. Горького работал над автобиографической книгой **«Моя жизнь»**, ставшей наиболее значительным произведением П. последних лет.

Соч.: ПСС: в 11 т. М.; Л., 1927–30; Избранные произведения. М., 1951; Избранное. М., 1955.

Лит.: Горький М. Семен Подъячев // СС. Т. 24. М., 1953; Короленко В. Г. О лит.-ре. М., 1957; Касторский С. В. Реалистическая проза. Горький и «Знание» // История русской лит.-ры. Т. 10. М.; Л., 1954; Мелешков Н. М. Творчество С. П. Подъячева 1905–1917 гг. // Статьи об А. М. Горьком и литературе XX в. Горький, 1961; Макина М. А. Семен Подъячев: Лит. портрет. М., 1981; Котов А. К. Статьи о русских писателях. М., 1986.

Н. А. Казакова

ПОЖЕНЯН Григорий Михайлович [20.9.1922, Харьков — 20.9.2005, Москва] — поэт.

Отец — директор завода, был репрессирован, мать — врач; воспитывался бабушкой. В 1939 П. окончил среднюю школу и был призван на флот. Во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне Одессы, Севастополя, в десантных операциях в Новороссийске, Эльтигене, в освобождении Варны, Белграда, служил в разведке, в диверсионном отряде, в морской пехоте, был ранен в голову, в обе ноги и в руку. В Одессе стоит обелиск, на котором среди погибших назван и П. (см. об этом в его стих. **«Похоронка»** из цикла **«Одесская хроника»** и в стих. **«Март 1942 года»** из цикла **«Севастопольская хроника»**).

В 1946 поступил в Лит. ин-т им. М. Горького, откуда дважды исключался за поддержку опальных друзей и учителей; окончил его в 1952. Первый сб. стихов П. **«Ветер с моря»** вышел в 1955. За ним последовали **«Штормовые ночи»** (1956; предисл. А. Макарова), **«Жизнь живых»** (1960), **«Великий или Тихий»** (1970), **«Мачты»** (1973), **«Зимний дом»** (1975), **«Тендровская коса»** (1977), **«Федюнинские высоты»** (1978), **«Погоня»** (1983), **«Хлеб морей»** (1989), **«Сорок утренников»** (1990), **«Защищая свою крутизну»** (1995) и др.

В отличие от большинства поэтов фронтового поколения П. до войны стихов не писал, быть профессиональным стихотворцем не мечтал (с 12 лет он увлекался боксом), а твердое решение стать поэтом принял только после войны. Рассказав, что на войне он постоянно испытывал страх, боязнь, что может погибнуть, и что ему приходилось делать

большие внутренние усилия, чтобы преодолеть эти панические и эгоистические чувства, П. продолжал: «...храбрость — постоянство усилий... Постоянство усилий, пока гремит война.

А еще страшно рисковать другими, посылать их на смерть. Страшно, командуя, решать задачи за других — не ошибиться бы.

Страшно — не приведи господь — не выполнить долг.

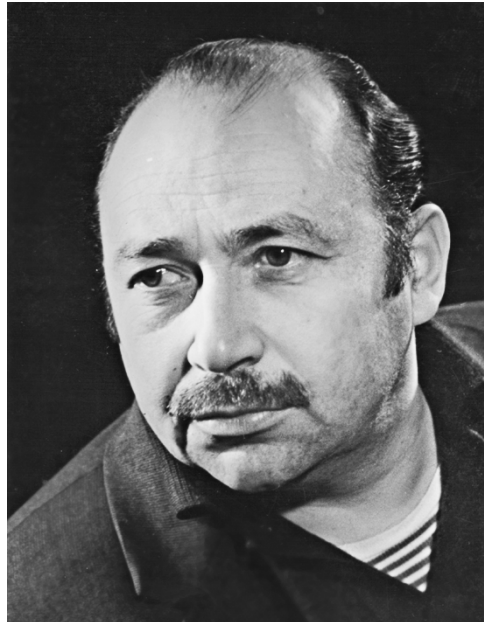
И все же лучшие дни моей жизни, как это ни странно, — дни, проведенные на войне.

Никогда потом (не говоря об отроческих утратах), в мирное время, не испытывал я такой высоты духа, близости дружеского плеча и общности судьбы с ближним. Даже тогда, в Одессе, в той, как мне казалось, последней разведке боем, когда было уже беспощадно ясно, что земля, на которой ты лежишь, и дым над трубой, и выгоревшие жестяные стебли кукурузы, и прихваченный красным край неба — все уйдет в тебя — ощущение выполненного долга утешало: и все же это останется другим.

Я остался жить, но не мог смириться со смертями своих друзей, с деревянными звездами на вечный срок, с братскими могилами и могилами неизвестных солдат.

Не смог, не захотел смириться — и стал поэтом» (Избранное. 1978. С. 5–6).

Для П. его творчество, его поэзия — не выражение его изначального художнического

Г. М. Поженян

призвания и его эстетического восприятия жизни, а исполнение нравственного долга перед др. людьми, в первую очередь — перед погибшими на войне товарищами, у которых он учился мужеству, самоотверженности, совестливости, взаимовыручке. Их светлой памяти он посвятил свои поэмы **«Ветер с моря»** (1947), **«Впередсмотрящий»** (1953), **«Жизнь живых»** (1957) и др. произведения. В стих. **«Освобожденная вода»** (1964) он скажет о себе как о поэте: «Просто я связан / меж теми, кто живут / и кто мертвы». В конечном счете исполнением долга перед др. людьми — уже послевоенных поколений — стала и лирика П., его поучительный для других рассказ о себе, о своем становлении как личности (в этическом, творческом и гражданском смыслах этого слова).

П., как и люди его поколения — ровесники или почти ровесники Октябрьской революции, — рос и идейно формировался типичным советским юношей, комсомольцем, который гордился своим отцом-коммунистом, участником Гражданской войны, позднее — директором науч.-исследовательского Ин-та сооружений, любовался его старыми и новыми друзьями — военными, инженерами, учеными, людьми, по воспоминаниям поэта, «рослыми, плечистыми, молодыми, веселыми». П., как и мн. его сверстники, брал все хорошее, что давала молодежи советская власть: возможность учиться, заниматься спортом, гордиться героическими подвигами и трудовыми делами своих родителей и людей старших поколений. Арест отца явился самой большой утратой, самым глубоким горем отроческих лет, но в те годы он вряд ли заставил мальчика усомниться в справедливости партии и советской власти; во всяком случае, сразу после войны, в стих. **«Пролог»** (1947) П. писал о своем поколении, о тех, кто «в двадцать лет узнали цену / тому, что люди в сорок узнают», как о защитниках завоеваний Октябрьской революции, как о преемниках героических традиций отцов: «Выйдя в путь тернистый, / мы научились жертвовать собой, — / мы тем гордимся, что последний выстрел / завещан нам отцовскою судьбой; / гордимся мы, что в наш двадцатый век / на той земле, где дни не дни, а даты, / в семнадцатом родился человек / с пожизненной метрикой солдата».

П. и в последующие годы, став певцом моря и морской дружбы, не будет отделять себя от лучших людей своего поколения, от новых друзей и товарищей, часто употреблял местоимение «мы»: «Мы сами судьбу выбирали — / свой жесткий моряцкий уют. <...> / Уходим мы, чтоб возвратиться, / приходим,

чтоб снова уйти. / И будет нам душно и тошно / и тесно и ночью и днем / в морской толчее суматошной, / когда мы с избытком хлебом / запальчивый нрав океанства, / который не сбить, не унять, / в угрюмом его постоянстве // все сущее разъединять...»

Между тем «запальчивый нрав» самого П., органически непримиримый ко всякого рода безликости, трусости и конформизму, к проявлениям официальной и индивидуальной лжи и несправедливости, еще с военных лет стал давать знать прежде всего в его вызывающем (по отношению к официальному общественному порядку) поведении, в его непокорстве идеологическому начальству (См. подробнее об этом: «Мы еще поживем на оползнях своих берегов...») [Из бесед с Г. Поженяном Ю. Соломонова] // Лит. газ. 1995. 9 мая. С. 11). Так, в период борьбы с т. н. «безродными космополитами» руководство Лит. ин-та попросило недавнего фронтовика-разведчика выступить на собрании, которое должно было осудить руководителя поэтического семинара, в котором он занимался, — «эстета и космополита» П. Г. Антокольского. П. выступил, но, вопреки ожиданиям начальства, в защиту Антокольского и др. опальных преподавателей и студентов, за что был исключен из ин-та и из комсомола.

Начиная с хрущевской «оттепели», но особенно заметно со времен горбачевской «перестройки» гражданская позиция П. все чаще стала получать выражение в его стихах (см., например цикл **«Черствые колокола»**, посвященный памяти А. Д. Сахарова) и публицистических статьях и заметках (см., в частности, его статью **«Севастополь — город русской славы»** // Лит. газ. 1991. 11 дек.). Одновременно П. расширяет и углубляет фарватер для своей поэзии: продолжая исполнять свой долг перед погибшими товарищами (а также перед участниками Севастопольской обороны 1854–55), он создает 2 цикла стихов — **«Севастопольская хроника»** и **«Одесская хроника»**, пишет стихи и песни о любви и о современной действительности, лирически размышляет о смысле жизни и творчества, о смерти и бессмертии.

Глубоко переживает П. распад СССР (см. его стих. **«Как шумно рухнул потолок в дому...»**), особенно отделение родной для него Украины от не менее родной России, а также войну в Чечне. И тем не менее П. не хочет подобно другим искать счастья и благополучия в зарубежных странах (в этом он верен патриотической позиции

А. Ахматовой, выраженной в ее известном стих. «Мне голос был. Он звал утешно...»). Только свое решение не покидать Россию в тяжелые, трагические для нее времена П. мотивирует по-своему — долгом перед погибшими товарищами, оставшимися навечно лежать в российской земле. В стих. «**Что ни делай — отмазки нет...**» он пишет: «Но куда ни глянь — в чистом поле / безответно лежат дружки. / И оставшиеся тут, / с кем и в гульбищах, и в обидах, / пожалеют, но не зачтут / твой последний чужбинный выдох».

П. является киносценаристом (фильм «**Жажда**» и др.), автором текста мн. песен («**Два берега**» — из кинофильма «**Жажда**», «**Песня о друге**» — из кинофильма «**Путь к причалу**», и др.)

Соч.: Избранное: Автобиографический рассказ «О себе». М., 1978; Жить и помнить // Советская культура. 1980. 15 апр.; Избранное / предисл. И. Золотусского. М., 1982; Грусть и гнев морей // Советская культура. 1983. 10 дек.; Каждый патрон на счету: [беседу вел А. Юрикова] // Советская культура. 1984. 9 мая; Эти 73 дня // Правда. 1985. 9 апр.; Погружение: Книга стихотворений. М., 1985; Прощание с морями / предисл. Е. Ю. Сидорова. М., 1990; Мы еще поживем на оползнях своих берегов... [Из бесед с Г. Поженяном Ю. Соломонова] // Лит. газ. 1995. 9 мая. С. 11.

Лит.: Максимов А. Поэзия подвига: [рец. на кн. стихов П. «Тендровская коса»] // Юность. 1978. № 2; Золотусский И. Достоинство и честь: [рец. на книгу П. «Избранное», 1978] // Лит. газ. 1979. 1 авг. № 31; Иванов Ю. Лирика мужества: [рец. на кн. П. «Избранное», 1982] // Лит. обозрение. 1983. № 10; Михайлов Ал. Нас бинтом пеленали...: [рец. на кн. стихов П. «Погружение»] // Лит. обозрение. 1986. № 2; Золотусский И. Пропето судьбой // Лит. газ. 1986. 26 нояб.; Педенко С. Золотой запас судьбы: О книге стихов Григория Поженяна «Погоня» // Лит. Россия. 1986. 12 дек.; Сарнов Б. Поэзия — дело не мальчиков, а мужчин: [рец. на сб. П. «Защищая свою крутизну»] // Известия. 1995. 30 нояб.; Иванов Ю. П. Нужно, чтоб кто-то кого-то любил: Григорий Поженян // Иванов Ю. П. Поэты фронтовой судьбы: Очерки русской поэзии (1940–1990-е годы). М., 1998.

М. Ф. Пьяных

ПОЗНЕР Владимир Соломонович [5(18).1. 1905, Париж — 19.2.1992, Париж] — поэт, прозаик, критик, публицист, мемуарист, киносценарист, переводчик.

П. был сыном известного общественного деятеля, журналиста, прозаика, историка и мемуариста Соломона Владимировича Познера. Родился и провел раннее детство в Париже, а в начале 1910-х семья Познеров пе-

В. С. Познер

реехала в Петербург. В 1919 П. занимался в лит. студии при изд-ве «Всемирная лит-ра», преобразованной затем в студию при Доме искусств. Входил в лит. группу «Серапионовы братья», считался «лит. вундеркиндом». В мае 1921 П. эмигрировал вместе с семьей в Каунас (Литва). Там, в газ. «Вольная Литва» и ее приложении, ж. «Зеркало», с мая по сент. 1921 регулярно публиковались поэтические тексты П.

В сент. 1921 поэт переехал в Париж. В 1921–22 был участником лит.-худож. кружка «Гатарапак», а в 1923–24 входил в парижскую лит. группу «Через», затем — в лит. группу «Кочевье». Публиковался в таких эмигрантских периодических изд. Берлина и Парижа, как «Голос России», «Совр. записки», «Эпопея», «Цех поэтов», «Звено», «Воля России». Окончил Сорбонну, принял французское гражданство, с 1929 стал писать на французском яз. Как русский литератор П. является автором единственного поэтического сб. «**Стихи на случай**» (1928, Париж), а также многочисленных критических статей.

В «Стихах на случай» чувствуется определенное влияние поэтики В. Ходасевича, с др. стороны, этот сб. находится в русле поэзии «парижской ноты». Лирический герой поэзии П. постоянно ощущает свою беспомощность перед «ветром больших несчастий», опустошающим сердца, он не в силах